

А. А. Михайленко, М. М. Одинак, Н. Н. Яхно

**ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НЕВРОЛОГИИ.
МОСКОВСКАЯ НЕВРОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА**

ОЧЕРКИ

Санкт-Петербург
СпецЛит
2015

УДК 616.8
И90

Авторы:

Михайленко Анатолий Андреевич — заслуженный работник высшей школы РФ, профессор, доктор медицинских наук. Кафедра нервных болезней Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова;

Одинак Мирослав Михайлович — член-корреспондент РАН, заслуженный врач РФ, доктор медицинских наук, профессор. Кафедра нервных болезней Военно-медицинской академии им. С. М. Кирова;

Яхно Николай Николаевич — академик РАН, заслуженный деятель науки РФ, профессор, доктор медицинских наук. Кафедра нервных болезней Первого Московского государственного медицинского университета им. И. М. Сеченова.

История отечественной неврологии. Московская неврологическая школа : очерки / А. А. Михайленко, М. М. Одинак, Н. Н. Яхно. — Санкт-Петербург : СпецЛит, 2015. — 511 с. : ил. — ISBN 978-5-299-00751-0

В коллективной монографии впервые в отечественной литературе представлены подробные и систематизированные сведения из многочисленных источников о болезнях нервной системы в период от радикальных реформ Петра I до настоящего времени в различных лечебных учреждениях. Также представлен разносторонний анализ истории московской неврологии, от создания школы Аптекарского приказа «для стрелецких детей» и школы Бидлоо — одной из самых блистательных отечественных неврологических школ, до наших дней (А. Я. Кожевников, В. К. Рот, Л. О. Даркшевич, В. А. Муратов, Г. И. Россолимо, С. С. Корсаков, П. А. Преображенский, Л. С. Миноф, Е. К. Сепп, М. Б. Кроль, И. Н. Филимонов, Н. В. Коновалов, Н. К. Боголепов, Е. В. Шмидт и многие другие).

Книга предназначена для неврологов, психиатров, нейрохирургов, терапевтов, а также студентов медицинских вузов.

УДК 616.8

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	4
Глава I. Московский военный госпиталь (школа Бидлоо) (<i>совместно с А. Н. Кузнецовым, С. С. Кугеренко</i>)	7
Глава II. Московская медико-хирургическая академия (<i>совместно с А. Н. Кузнецовым, С. С. Кугеренко</i>)	76
Глава III. Медицинский факультет Московского университета (1-й Московский медицинский институт им. И. М. Сеченова, Первый Московский государственный медицинский университет им. И. М. Сеченова)	117
Глава IV. Медицинский факультет 2-го Московского государственного университета (2-й Московский государственный медицинский институт им. Н. И. Пирогова, Российский государственный медицинский университет им. Н. И. Пирогова, Российский национальный исследовательский медицинский университет им. Н. И. Пирогова) (<i>совместно с М. Ю. Мартыновым</i>)	316
Глава V. Научно-исследовательский институт неврологии АМН СССР (Научно-исследовательский институт неврологии РАМН, Научный центр неврологии РАН) (<i>совместно с С. Н. Иллариошкиным</i>)	384
Глава VI. Центральный институт усовершенствования врачей (Российская медицинская академия последипломного образования)	428
Глава VII. Московский государственный стоматологический институт (Московский медицинский стоматологический институт им. Н. А. Семашко, Московский государственный медицинский университет)	458
Глава VIII. Московский областной научно-исследовательский клинический институт им. М. Ф. Владимирского (МОНИКИ) (<i>совместно с С. В. Котовым</i>)	470
Глава IX. Университет Дружбы народов	496
Глава X.	
X.I. Национальный медико-хирургический центр им. Н. И. Пирогова	504
X.II. Учебно-научный медицинский центр (УНМЦ) Главного медицинского управления УД Президента РФ	507
Послесловие	509

ПРЕДИСЛОВИЕ

Историей надобно заниматься с умом, свободным от невежества и предрассудков, быть справедливым... рассказывать без прикрас и прикрытия, обозревать вполне предмет, излагать все нужное в ясном, кратком и систематическом порядке.

Н. Д. Лебедев

Было бы непростительной ошибкой и даже предосудительной небрежностью ограничивать повествование об истории отечественной неврологии периодом с начала создания самостоятельных кафедр неврологии (неврологии и психиатрии) или, в лучшем случае, с момента создания медицинского факультета Московского университета или Медико-хирургической академии. В истории нашей медицины категорически непозволительно игнорировать и предавать забвению диагностический и лечебный опыт отечественных и иноземных лекарей и врачей-врачевателей предшествующих эпох.

Краткое изложение анализа сохранившихся и доступных материалов о наиболее ранних этапах истории отечественной неврологии составило два раздела («Истоки» и «Кануны») в книге А. А. Михайленко «История отечественной неврологии — Петербургская неврологическая школа» (Фолиант, 2007). Эти разделы предваряют собственную историю петербургской неврологии, а размещены они в этой книге потому, что это сочинение было издано первым. Несомненно, что материалы этих глав имеют отношение, прежде всего, к медицине регионов страны с более древней историей (московская медицинская школа и др.), и их следует полагать также прологом к настоящей книге.

Первостепенное значение для целенаправленного исследования вопросов истории московской неврологической школы имело то обстоятельство, что выходу книги «Петербургской неврологической школы» сопутствовало значительное число позитивных и доброжелательных, устных и письменных отзывов, рецензий, признательных заявлений и дружеских рекомендаций от коллег и учеников, врачей не только неврологического, но и терапевтического, психиатрического, нейрохирургического профиля: Б. С. Виленского, А. П. Иерусалимского, А. Ю. Макарова, В. И. Гузевой, Н. М. Жулева, М. В. Александрова, Б. А. Осетрова, А. А. Скородца, В. А. Макаровой, С. А. Громова, В. Г. Помникова, Н. В. Скрипченко, С. В. Лобзина, И. А. Вознюка, Е. Н. Кондакова, Т. А. Лазебник, П. В. Загрядского, Л. А. Лучихина, И. А. Горячева, В. А. Катонина, Р. В. Маляревского, А. М. Королюка, В. В. Щербины и др.

А. Н. Радищев был удивительно точен: «Блажен писатель, если творением своим мог просветить хоть единого, блажен, если в едином хотя сердце посеял добродетель» (Радищев А. Н., 1984. С. 35).

Изложение исторических сведений, событий, фактов может ставить разные задачи, а его форма — носить отличный характер. Оценка деятельности руководителей кафедральных и клинических коллективов может не ограничиваться анализом и обсуждением их главных публикаций, но и включать сведения об их административной, организаторской, хозяйственной, учебно-воспитательной, методической и иных видах деятельности. История кафедры может включать характеристику всех ее сотрудников на всех этапах становления и развития, представлять сведения о всех кафедральных публикациях, о количестве подготовленных учеников (студентов, аспирантов, ординаторов), о количестве лечившихся больных и т. д. Такой вариант изложения исторического материала имеет право на существование.

Авторы сознательно избрали иной путь — вариант изложения соответствующей информации в форме очерков — краткого описания наиболее важных, ярких, примечательных и поучительных сведений (эпизодов, событий, фактов). Вариант изложения был продиктован, во-первых, мягко говоря, поверхностным и слабым знанием истории неврологии, медицины и страны студентами, врачами и преподавателями. Во-вторых, у авторов уже был положительный опыт аналогичного представления истории Петербургской неврологической школы, удостоившийся благожелательных рецензий в ведущих отечественных неврологических журналах. Наконец, журнальные публикации в 2004—2012 гг. с «точечным» анализом отдельных значимых фрагментов истории московской неврологии (школы Аптекарского приказа и школы Бидлоо, творчества К. И. Щепина, П. И. Погорецкого, С. Г. Зыбелина, Е. О. Мухина, М. Я. Мудрова, И. Е. Дядьковского, А. Я. Кожевникова, Л. О. Даркшевича, В. А. Муратова, Г. И. Россолимо, П. А. Преображенского, Б. А. Фаворского, В. К. Рота) оказались востребованными и были встречены доброжелательно, что окончательно утвердило нас в приемлемости и правомерности изложения избранных вопросов истории в форме очерков. С большим интересом также были встречены посвященные исторической тематике публикации А. М. Вейна, В. А. Карлова, В. Н. Штока, Н. Н. Яхно, А. А. Скоромца, А. П. Иерусалимского и других.

К удовлетворению авторов находит понимание и сочувствие у коллег стремление оттенить первостепенную значимость достижений отечественной неврологии на разных этапах ее становления и развития, заострить внимание на весомости вклада отечественных медиков в плодотворное и результативное эволюционирование научных представлений, теорий, гипотез и концепций. С одобрением воспринято авторское желание, если не вернуть из забвения и безнравственной амнезии ее отдельных представителей, то хотя бы внятно еще раз напомнить и отдать должное известным и неизвестным предшественникам — медицинским труженикам в школе Аптекарского приказа «для стрелецких детей», госпитальных (хирургических) школах Москвы, Петербурга, Кронштадта, врачебных училищах, Московском университете, Медико-хирургической академии и др., работа которых часто требовала не только опыта и знаний, но смелости и гражданского мужества, целеустремленности и терпения.

Когда-то И. А. Бунин писал: «Венец каждой человеческой жизни есть память о ней... И нет той души, которая не томилась бы втайне мечтою об этом венце».

В насыщенной атмосфере современных, легко узнаваемых, подчас примитивно-шутовских или хулиганско-бандитских зрительных и слуховых образов, тем более важно возвращаться к пониманию того, что «всякая вообще старина поучительна, потому что знанием ея приобретается возможность избегать в настоящем ошибок прошлого» (Хмыров М. Д., 1869. С. 25). Целесообразность и полезность изучения минувших эпох можно определять и так: «Помыслих дни первыя, и лета вечная помянух, и поучахся» (Псалом 76).

О значимости познания истории и ее отдельных сфер деятельности для наших соотечественников лапидарно и замечательно емко поведаль наш прекрасный поэт и большой патриот России Ф. И. Тютчев (Кожин В. В., 2009. С. 260): «Истинный защитник России — это история; ею в течение трех столетий неустанно разрешаются в пользу все испытания, которым подвергает она свою таинственную судьбу». Поэтому так высоко ценил он в людях исторические знания, духовные качества, способность «восстанавливать цепь времен»: «Нет ничего более человеческого в человеке, чем потребность связывать прошлое с настоящим».

Изучение истории врачевания также благотворно и поучительно для понимания того, что «ни в чем ремесленный практицизм врача не обнаруживается так ясно, как в полном пренебрежении его к истории своего знания» (Томилин С. А., 1928. С. 849). У ответственного врача сведения об истории медицины дисциплинируют его профессиональные знания, формируют научное мышление и даже облагораживают психику целителя.

В этой книге авторы сосредоточились главным образом на описании творчества ушедших от нас коллег — руководителей кафедр, клиник, институтов, центров. Память и благодарность за состоявшиеся встречи и теплоту общения с многочисленными коллегами и учителями побуждают авторов к дальнейшему и ответственному исследованию проблемы истории отечественной неврологии, бережному сохранению дорогих воспоминаний.

Авторы благодарны В. Г. Абашину, Н. Ф. Фомину, В. Н. Штоку, А. Б. Гехт, А. И. Красноружскому, О. И. Виноградову, Н. Н. Заболотскому, П. А. Коваленко, И. В. Литвиненко, С. А. Живолупову, Н. В. Цыгану, С. Н. Базилевичу, А. П. Коваленко, Я. Б. Скиба, Р. В. Андрееву за содействие в работе с отдельными фрагментами книги, за консультативную помощь и иллюстративный материал. Особая признательность и благодарность действительному члену РАН, профессору Е. И. Гусеву за доброжелательные замечания и советы.

Неоценимую услугу в работе с литературными источниками и архивными материалами оказали сотрудники Санкт-Петербургского филиала Архива Российской АН (СПб.), Российского государственного архива древних актов (Москва), Центральной научной медицинской библиотеки (Москва), Государственной публичной библиотеки (СПб.), фундаментальной библиотеки Военно-медицинской академии (СПб.), которым авторы приносят сердечную признательность. В книге также представлены материалы из Музея клиники нервных болезней им. А. Я. Кожевникова — филиала музея Первого Московского медицинского университета им. И. М. Сеченова.

Глава I

МОСКОВСКИЙ ВОЕННЫЙ ГОСПИТАЛЬ (ШКОЛА БИДЛОО)

1

Государственная система медицинского образования в России возникла, прежде всего, как система военно-врачебного образования.

А. С. Георгиевский

В истории отечественного медицинского образования весомая роль принадлежит Московской госпитальной школе, образованной голландским врачом Николаем Ламбертовичем Бидлоо по поручению Петра I. Благодаря таланту и подвижнической деятельности ее основателей, творческому переносу на российскую почву лучшего европейского опыта в этой школе получили развитие замечательные черты отечественного медицинского образования — совмещение фундаментальной и практической подготовки студентов по хирургии и по терапии. Школа, созданная Н. Л. Бидлоо, стала первой пробой создания аналогичных школ, в частности, при Санкт-Петербургском и Кронштадтском госпиталях.

Некоторыми авторами целенаправленно культивируется мысль о том, что Московский госпиталь — это «первенец русской медицины», «родоначальник российской медицины», «колыбель отечественного медицинского образования», «колыбель российской науки» (Крупчицкий А. М., 1958; Колупаев Г. П., Журавлев Г. П., 1998; Родоначальник российской медицины..., 2006).

Нисколько не преуменьшая значения Московского госпиталя для плодотворного становления и развития практического здравоохранения и врачебного образования в стране, абсолютно несправедливо и недопустимо обкрадывать собственную историю.

Почти общим местом стало утверждение о том, что Московский госпиталь — первое лечебное заведение (медицинское учреждение) в России (Крупчицкий А. М., 1943; Клюжев В. М. [и др.], 1998). Такая лаконичная дефиниция дискуссионна.

Еще в церковном Уставе князя Владимира и в своде юридических норм Киевской Руси (Правда русская) определялось юридическое (правовое) положение целителей (врачевателей, лечцов) и лечебных учреждений (больниц), законность платы за лечение. Больницы строились обычно при монастырях и обслуживали не только монастырское, но и окрестное население.

«Иллюстрированный вестник культуры» (1910) приводит выдержку из летописи Нестора по никоновскому списку: переславский архиепископ Ефрем в 1091 г. при Переславском монастыре построил больницы — «строение банное и врачеве и больницы всем приходящим и безмездно врачевание». Таким обра-

зом, переславский архиепископ, «созида каменные церкви», приказал строить и настоящие больницы при них (Петров Е. Е., 1826).

Монастырские уставы XII—XVI вв. содержат главы «об устройстве монастырских больниц и богаделен». Врач обязан был всегда находиться при монастыре и оказывать помощь не только живущим в монастыре, но и приходящим, и если нужно, то размещать их в специальном стационаре — «в созданном недужном храме» (Российский Д. М., 1956). Существуют летописные упоминания о гражданской больнице в Великом Новгороде (1417 г.).

Следовательно, первые больницы в стране создавались еще в Киевско-Новгородской Руси. В 1551 г. Иван Грозный распорядился строить в «каждом граде» государственные богадельни и больницы, где «убогих, престарелых, больных лечить безвозмездно» (Кузьмин М. К., 1973). Н. А. Семашко писал: «Борис Годунов учредил „Приказ по наблюдению за аптеками и врачами и вообще за призрением больных“ (Очерки об организации здравоохранения в Москве за 800 лет, 1948. С. 8—9). В конце XVI и начале XVII вв. начался пора «приказной медицины», развития «Приказа общественного призрения».

Таким образом, если прежде устройством монастырских больниц ведали игумены отдельных монастырей, то с появлением «Стоглава» (1551) организация больниц и богаделен стала носить государственный характер (Российский Д. М., 1956). После 1550 г. заведены были «...многие больницы в разных городах российского государства» (Петров Е. Е., 1826. С. 10). Братия Троицкого монастыря «для подаяния помощи раненым воинам и недужным построили своим иждивением больницы» (Там же. С. 13).

Первым московским гражданским лечебным учреждением полагают «правильно устроенную» Ф. М. Ртищевым больницу на 15 кроватей в 1654—1656 гг. (Оборин Н. А., 1979; Самойлов В. О., 1997). Самойлов уточняет: «Подобные больницы появились и в других городах» (1997. С. 22).

Царь Федор Алексеевич Указом 1682 г. повелел Аптекарской палате построить «две шпитальни» в Москве: одну — в Знаменском монастыре, другую — на Гранатном дворе за Никитскими воротами. Г. М. Герценштейн сообщал: при Федоре Алексеевиче «была устроена казенная больница в Гранатном дворе у Никитских ворот, при которой полагался доктор, 3—4 лекаря с многими учениками» (Очерк истории медицинского образования в России в прошлом столетии, 1883. С. 413). В этих «шпитальнях» должны были «пропитываться по смерти бедные, увечные и старые люди», которые «тяжкими ранами на государственных службах изувечены...» (Хмыров М. Д., 1869. С. 31). Н. Я. Новомбергский (Некоторые спорные вопросы по истории врачебного дела в допетровской Руси, 1903) указывал, что госпиталь был организован, но его дальнейшая судьба неизвестна.

За год до создания Московского госпиталя в 1706 г. в Петербурге стал функционировать госпиталь в Казачьей слободе на Выборгской стороне для лечения воинов и строителей нового города (Самойлов В. О., 1997). Еще ранее в Петербурге стал функционировать другой госпиталь (Абашин В. Г., 2004). В месте впадения реки Охты в Неву располагалась шведская крепость Ниеншанц, а ниже по течению реки — шведский военный госпиталь, созданный в конце XVII в. В 1703 г. Ниеншанц был возвращен России, а военный госпиталь в Ниене

(Там же. С. 32) «возобновил свою работу... можно предполагать, что он и не прекращал своей работы». Далее следовала примечательная ремарка: «Удивительным является сходство предложенного к постройке Московского госпиталя с госпиталем в Ниене». Но существует в литературе указание, что Н. Л. Бидлоо с Петром I посещали этот госпиталь (в 1703–1706 гг. Н. Л. Бидлоо «сопровождал» его повсеместно). Таким образом, образцом для построения Московского госпиталя послужил госпиталь в Петербурге.

Как мы видим, госпиталей и больниц на Руси до создания Московского госпиталя существовало немало, и этот факт категорически не подлежит игнорированию. Поэтому многие исследователи предлагали Московскому госпиталю более корректные и менее декларативные определения: первоклассное военно-лечебное заведение (Крупчицкий А. М., 1958), авторитетное военно-лечебное заведение (Матусов П. М., 1943), первое постоянное (стационарное) лечебное учреждение России (Оборин Н. А., 1979; Комаров Ф. И., 1985). По аттестации Я. А. Чистовича (1883), первым в России «в настоящем и полном значении» слова госпиталь был московский «Гофшпиталь». Военно-медицинский ученый Комитет в 1907 г. признавал за госпиталем «выдающееся значение в развитии военно-медицинского дела в России» (Алелеков А. Н., 1907. С. 679). При этом не следует забывать, что Московский госпиталь в подчинение военного ведомства перешел только в 1752 г., а до этого был в ведении Монастырского приказа и лечились в нем «всякого звания убогие люди», а не военнослужащие. Колыбелью отечественной военной и морской медицины полагают Санкт-Петербург (Селиванов Е. Ф., Нечай А. И., 2005).

Цитированные авторитетные авторы принципиально единодушны в одном: Московский военный госпиталь — первый в России крупный стационар, военно-лечебное многопрофильное учреждение с длительной и славной историей.

2

...И чтобы хорошо и совестливо учить, надо самому непрерывно учиться и любить свое учительское призвание.

Я. А. Чистович

Значительно большей коррекции требует определением некоторыми авторами Московского госпиталя как первого медицинского учебного заведения, первой медицинской школы в России (Чистович Я. А., 1883; Алелеков А. Н., 1907; Крупчицкий А. М., 1943; Комаров Ф. И., 1985; Ключев В. М. [и др.], 1998; 2006). Эта точка зрения не может быть признана справедливой.

История регулярного отечественного врачебного образования начинается с середины XVII столетия. У истоков высшего медицинского образования в России — организация первой отечественной врачебной школы (лекарской школы Аптекарского приказа). Ее создание было крайне необходимым, в том числе

и потому, что иноземные врачеватели обходились государственной казне фантастически дорого и их материальная обеспеченность была баснословной. Среди докторов и лекарей из Европы было немало таких, которые презирали Россию и русских, при этом не отличаясь ни особой ученостью, ни добросовестностью. Сердцу таких иностранных медиков «любезнее упражнений в медицине» были торговля и скопление денег (Громбах С. М., 1953).

Значение этой школы в становлении отечественного медицинского образования в значительной мере предано забвению, либо преднамеренно или по незнанию замалчивается (Гайдар Б. В. [и др.], 2004; 2006).

XVII век в России характеризовался общим ростом грамотности, появлением первых школ, распространением светской книги. По подсчетам исследователей грамотными в России в XVII в. были: все белое духовенство, большая часть монахов, половина землевладельцев, четверть посадского московского населения, часть стрельцов и др. (Копелевич Ю. Х., 1977).

В 1654 г. во время чумы и войны с Польшей при Аптекарском приказе в Москве была открыта лекарская школа «для стрелецких детей»: царь Алексей Михайлович повелел, чтобы при иноземных медиках были ученики из русских стрелецких детей (Шмигельский М. Е., 1897), а докторам и лекарям вменялось в обязанность «за то его государево жалование учеников, которые для учения даны, будут учить с великим прилежанием... со всяким тщанием и ничего не тая» (Мультановский М. П., 1967. С. 73). Для изучения «лекарского, аптекарского, костоправного, алхимического и иного какого дела» были отобраны 30 учеников (Лахтин М. Ю., 1906; Мультановский М. П., 1967).

Оценка деятельности первой лекарской школы удивительно разнородна. Одни историки медицины склонны полагать, что обучение в школе Аптекарского приказа было плодотворнее, чем в знаменитой школе Н. Л. Бидлоо (Новомбергский Н. Я., 1903), что школа способствовала становлению зарождавшейся в XVII в. государственной системы военно-медицинского обеспечения армии (Крупчицкий А. М., 1958), а уровень подготовки полковых лекарей был высоким (Кавецкий Р. Е., Балицкий К. П., 1954).

Другие (Скорыходов Л. Я., 1926. С. 44) весьма категорически заявляют: «...что было у нас до Петра Первого, только с большой натяжкой может быть названо медициной». Я. И. Чистович (История первых медицинских школ в России, 1883) школу Аптекарского приказа не включает в число первых медицинских школ в России, а В. Ф. Груздев (1949) ставил под сомнение ее существование. Несостоятельной признается не только система подготовки лекарей в школе Аптекарского приказа, но и в значительной мере законодательно регламентированная в 1721–1722 гг. система подготовки при адмиралтейском госпитале. А. С. Георгиевский писал: «Принимать этот вид подготовки за начало целенаправленного военно-врачебного образования в России было бы серьезной исторической ошибкой» (Основные этапы становления и развития в России системы военно-врачебного образования в XVIII веке, 1984. С. 16).

Некоторые историки медицины в своих оценках системы отечественного медицинского образования пошли еще дальше. М. Ю. Лахтин указывал: «...долгое время школьное медицинское образование в России было крайне элементар-

ным... Только в конце XVIII в. подготовка полевых врачей получила правильное решение с основанием в 1798 г. Военно-медицинской академии» (Этюды по истории хирургии, 1901. С. 190).

С легкостью необыкновенной предлагается предать забвению полтора столетия становления и плодотворного развития отечественной медицины. Во всем мире «после Адамова падения, нанесшего человеческому роду бесчисленные страдания, разум не оставлял без употребления силы свои» (Гофман П., 1789. С. 1), и только в России все оставалось «крайне элементарным» и не получало «правильного решения». Такие суждения весьма созвучны мнению преемника Н. Л. Бидлоо в Московской госпитальной школе А. де Тейльса: «Русские вообще неспособны к серьезному образованию» (Скороходов Л. Я., 1926. С. 48). А это уже фактическое утверждение о культурной и духовной неполноценности русских, активно культивировавшееся некоторыми иноземными учителями (Кавецкий Р. Е., Балицкий К. П., 1954).

А. Н. Алелеков (1907. С. 105) писал: «Русские во мнении иностранцев считались азиатами, варварами, лишенными не только всякой культуры, но даже и не способными к ней».

Б. Н. Палкин (1959) полагал, что забвение заслуг воспитанников первых медицинских школ в России в развитии отечественной медицины является далеко не случайным.

Симптоматична констатация известного отечественного историка медицины Я. А. Чистовича: «...большинство врачей... склонны думать, будто... вся наша рациональная медицина ведет свое начало чуть ли не со вчерашнего дня» (История первых медицинских школ в России, 1883. С. 1). Достаточно очевидное негативное отношение к отечественным медикам и преувеличение роли иноземных врачей демонстрирует «первый историк русской медицины» В. М. Рихтер, чей труд «История медицины в России» (1814—1820) Л. Ф. Змеев оценил так: «...похвальное жизнеписание иностранных врачей в России... История Рихтера — это национальная ошибка» (Первый в России военно-врачебный госпиталь, 1896. С. 184).

Имеет ли серьезные основания столь суровая оценка состояния отечественной медицины в допетровское время и огромная амплитуда разночтений о плодотворности обучения в первой отечественной врачебной школе?

Состояние отечественной медицинской практики достаточно убедительно иллюстрирует система мер по борьбе с эпидемиями в России в XVII столетии (Груздев В. Ф., 1949): 1) полное разобщение здоровых и зараженных; из дворов, где были больные, никого не выпускали; запрещались переходы населения с зараженной территории на незараженную и в обратном направлении; 2) разговаривать можно только через огонь; письма и донесения переписывались на новую бумагу, старые сжигались, а деньги перемывались; 3) одежда и вещи умерших сжигались или развешивались на морозе и вымораживались; 4) умерших погребали те, кто был в контакте с покойным; погребение осуществлялось вдали от жилых домов; 5) дома умерших окуривали можжевельником и полынью; 6) организовывалась санитарная разведка.

Что касается обучения в школе Аптекарского приказа, то принципы его организации нельзя не признать рациональными для того времени.

В первые два года ученики должны были изучать ботанику, фармакологию, практическую фармацию (в полях и в аптеке), анатомию (по рисунку и скелету), физиологические понятия. С третьего года они знакомились со «знамениями немочей» (симптоматологией) и участвовали в амбулаторных приемах (в «дохтурской палатке» для «дохтурского сидения по осмотру больных»). С четвертого курса начинали изучать хирургию и технику наложения повязок, выезжали с лекарями на практику в места расположения войск. Срок обучения в среднем составлял около 5 лет, хотя мог длиться от 3 до 12 лет. Обучение в школе завершалось экзаменом, и ее питомцы направлялись в полки подлекарями «для лечбы ратных людей». После годичной и более практической работы выпускники школы писали челобитные государю «велеть ему быть лекарем» и прилагали отчет о своих успехах и проделанной работе (Новомбергский Н. Я., 1903; Кавецкий Р. Е., Балицкий К. П., 1954; Мультановский М. П., 1967; Кузьмин М. К., 1973; Аникин И. А., 1988; Мирский М. Б., 1996; Самойлов В. О., 1997). Стрелецких детей учили «фармации, анатомии, лечению внутренних болезней, хирургической практике» (Копелевич Ю. Х., 1977. С. 16). Обучение в школе было плодотворным, а уровень подготовки людей достаточно высоким.

Для восполнения недостатка в образовании и облегчения доступа к теоретическим знаниям учеников дополнительно обучали языкам. Царь Федор Алексеевич своими указами 1678 и 1679 гг. велел из Аптекарского приказа «...отдать учитца в школу в Новонемецкую слободу латинскому и цесарскому языку» Сеньку Ларионова, Левку Ананьина, Прошку и Тишку Петровых (Новомбергский Н. Я., 1903. С. 34).

Учебными пособиями для питомцев школы были книги из библиотеки Аптекарского приказа. Последняя известна с 1603 г. и была одним из крупнейших книгохранилищ своего времени (Аникин И. А., 1988). В. Ф. Груздев (1946) сообщает, что дошли сведения о 30—40 медицинских учебниках в Аптекарском приказе (лечебниках, травниках и др.). Сохранились рукописные медицинские книги XVII в.: вертоградов — 37, травников — 7, лечебников-сборников — 50 (Груздев В. Ф., 1949). Автор приводит несколько десятков медицинских книг, которые были в обращении в XVII в. и, следовательно, были доступны ученикам школы: «Прохладный Вертоград», «Травник Сирепния», «Анатомия Везалия», «Фармакопея медико-хирургическая», «О чуме, бывшей в России и особенно в Казани в 1654 г.», «Книга глаголемая о человеческих болезнях» и др. «Каталог делам и рукописям» Аптекарского приказа в архиве Министерства иностранных дел (Токмаков И. Ф., 1879) содержит не только формальные архивные сведения о приезде в Россию и отъезде из страны докторов и лекарей (В. Сибилиста, Г. Громонта, Я. Белау, А. Енгеларта, С. фон Гадена, Г. Карбонария, П. Постникова, Г. Волкова и др.), но и список литературных источников по медицине, в числе которых были: сборник «О физиологии человека» (1468); рукопись XVII в., едва ли не древнее «Прохладного Вертограда», — «Книга имущих исцеление всех недугов болезненных иже суть врачевание с Божию помощью»; «Ковчежец, содержащий медикаменты выборнейшия и многоразличным искусством свидетельствованныя от искуснейших древних и новых практиков с объявлением в каких недугах и како каким количеством оны пользы ради своя употребить

подобает, письмо с переводу латинского на русский диалект малороссиянина Ивана Максимова, в Москве, 1754» и др.

В школе к ученикам предъявляли достаточно жесткие требования. При зачислении в школу они давали обещание (гарантии): «И учась мне у него... ему и никому зла не учинить и не пить и не бражничать и никаким воровством не воровать и не сбежать и не доучась от него отойтить» (Кузьмин М. К., 1973. С. 22).

Кто из учеников не сдерживал своих «гарантий», тот подвергался наказанию. В 1664 г. в Ярославль была направлена царская грамота «о розыскании» и высылке в Москву в Аптекарский приказ беглого лекарского ученика Емельяна Климова, которого рекомендовалось «сковать и связать крепко» (Новомбергский Н. Я., 1905).

Принято считать, что первый выпуск (30 человек) из школы состоялся в 1660 г. Однако М. К. Кузьмин (1973) первый выпуск 32 питомцев школы датирует 1658 г. и приводит поименный список пионеров отечественной медицины, подготовленных в первой отечественной медицинской школе.

В литературе встречаются утверждения о том, что заявленный алгоритм обучения в школе не всегда выдерживался и соблюдался, сокращались сроки обучения. В частности, указывается, что первый набор учеников вскоре был направлен в действующую армию. Это справедливо. Но справедливо и то, что в военное время так поступали и позже. В период Русско-японской войны срок обучения на выпускном курсе М. И. Аствацатурова был сокращен на полгода. Во время Великой Отечественной войны курсанты младшего курса Военно-морской медицинской академии были направлены матросами в действующую армию («сталинградский курс»).

Многие справедливо полагают, что обучение в школе Аптекарского приказа носило ремесленный (ремесленно-цеховой) характер (Лахтин М. Ю., 1906; Аникин И. А., 1988; Мирский М. Б., 1996; Самойлов В. О., 1997). М. П. Мультиановский (1967) такую форму обучения называет иначе — практическое обучение. При этом обычно упускается из виду, что такая форма обучения лекарей (хирургов) практиковалась во всей Европе. Следовательно, она не может быть поводом для снисходительно-уничижительной оценки уровня подготовки питомцев первой отечественной медицинской школы. Только сравнение с образованием и подготовленностью иноземных лекарей, дорого обходившихся государственной казне, позволяет по достоинству оценить первую школу и ее учеников.

«Слыша о неизреченной царской милости к иноземцам», в Россию устремилось много лекарей и докторов. При поступлении на российскую службу они должны были предъявлять свидетельства об образовании. История сохранила образцы таких свидетельств, справок, рекомендаций, объяснений иностранных лекарей, дающих достаточно полное представление о форме их обучения и уровне образования.

В 1698 г. был произведен набор лекарей в Амстердаме. Только 31 из 51 могли представить какие-либо документы о профессиональном образовании. Только два человека обучались в школе, остальные познавали лекарское искусство при практикующих лекарях, которые и выдавали им «свидетельства об образовании» (Новомбергский Н. Я., 1906).

Н. Я. Новомбергский (1906. С. 84) приводит немало таких свидетельств и объяснений: начальник «морских и воинских караванов» свидетельствует, что «...Севастьян служил у них по морю и сушу во всяких случаях... лекарственных делах первым»; «...был у лекаря Вакея за хлопца три года, потом... в лекарьских учениках два месяца»; «учился... у отца своего три года». (Там же. С. 90, 101).

После этого вопрос автора не воспринимается излишне риторическим: можно ли этих лекарей считать «в научном отношении стоящими выше русских специалистов, обучавшихся у нас в приказной школе и при лекарях в течение пятилетнего срока по крайней мере?» (Там же. С. 27).

Авторы свидетельствуют, что нередко иностранные лекари «учились собою... меж учительных людей», учились в течение 2—3 лет, некоторые были безграмотными (Новомбергский Н. Я., 1903; Палкин Б. П., 1959).

Следует напомнить, что в это время в Германии даже известные хирурги были неграмотны, а Франция в конце XVII в. решала вопрос: должен ли хирург брить солдат или нет? (Лахтин М. Ю., 1901).

Ответ на вопрос Н. Я. Новомбергского (1903. С. 44) очевиден: «образовательный ценз наших лекарей нельзя полагать ниже выучки иноземцев». В этом убеждает и сравнение плодов деятельности иностранных и русских лекарей.

История сохранила образцы диагностических «раздумий» некоторых иностранных лекарей. С. фон Гаден, И. Альбанус: «По сказке больного тараканы в голове, от того глух и оморок» (Змеев Л. Ф., 1886. С. 240). С. фон Гаден: «Болезнь де у него из головы мокрота упала в гортань, и маленький язычек опал и лежит на языке» (Змеев Л. Ф., 1886. С. 108). С. Зомер: «У него болезнь пониже чрева выходит» (Груздев В. Ф., 1949. С. 107). С. Зомер, И. Альбанус: «Болезнь у него нечистая и лечить его от тое болезни не мочно, потому что та болезнь прильнет к здоровым» (Лахтин М. Ю., 1906. С. 67).

Следует напомнить, что лекари С. фон Гаден и С. Зомер, которые «рачительными своими разыскиваниями прославились», будут удостоены царским указом звания доктора.

А питомцы школы Аптекарского приказа в претензиях на лекарское звание в челобитных царю докладывали: «Раны стрелыныя, колотыя и рубленыя лечу и пулки вырезаваю и руду жильную и банками пуцать умею, водки гнать, мази стирать знаю же, болезни нутренныя лечить могу же и несколько очном и костоправного дела навычен» (Змеев Л. Ф., 1886. С. 108).

Еще о более убедительных успехах поведал в челобитной Семен Михайлов: «Ково... от ран излечил... стрелянова человека была простреляна нога насквозь и кость раздробило, семь кусков кости вынул из раны и раны излечил... келейник... ево разбойники голову разбили, и череп прорубило только плева в мозгу цела; его излечил в 7 недель» (Кавецкий Р. Е., Балицкий К. П., 1954. С. 69—70).

Безусловно, врачебная практика питомцев школы Аптекарского приказа впечатляет.

М. Д. Хмыров (1869. С. 29) предостерегал против преувеличения роли лекарей в те времена: «...тогдашние полковые лекари значили меньше, чем мало, и даже осмотр больных, увечных и престарелых воинских чинов, для увольнения их от службы, лежал на обязанности не военных медиков, но воевод».

Яркая иллюстрация к тому — постановление Государственной военной коллегии (во исполнение указа Петра I) от 27 декабря 1722 г. об освидетельствовании «падучия болезни» (Алелеков А. Н., 1907). В «Воинском уставе» Петра I (1716) к полковому лекарю не только предъявлялись требования быть «благоискусным» и «в лечбах свидетельствован», но и все еще возлагалась обязанность — «полковника, подполковника и майоров бороды он бреет» (Хмыров М. Д., 1869. С. 44).

Пройдет менее столетия и вопросы экспертизы однозначно будут возлагаться на врачей. В 1806 г. было введено в действие «Наставление, служащее руководством врачам, при наборе рекрут находящимся» (Полное собрание законов Российской Империи в 45 томах. 1826). Среди неврологических болезней, «по которым рекрут к военной службе бывает неспособен» (Там же. С. 350) — «паралич какой-нибудь части тела», «сухотки» разного рода» (в т. ч. *tabes*), эпилепсия, а также немота, глухота, слепота, психическая патология и т. д.

Но не будем забывать о том, что в то время существовала градация медицинских специалистов: «Дохтур совет свой дает и приказывает, а сам тому неискусен, а лекарь прикладывает и лекарством лечит, а сам ненаучен, а обтекарь у них обоих повар» (Скорородов Л. Я., 1926. С. 35).

Докторское звание предполагало университетское образование, которого в то время в России не было. В Россию устремились не только лекари, но и доктора. Не следует полагать, что в Россиюехали только не востребовавшие на Западе специалисты: А. Дий — лейб-медик английского короля; В. Сибилист — доктор Галльского университета, А. Граман — изучал медицину в Иене, Лейпциге, Виттенберге; И. Белау — профессор Дерптского университета; А. Энгельгард — воспитанник Лейденского и Кенигсбергского университетов; С. Коллинс — учился в Кембриджском и Оксфордском университетах; Л. Блюментрост — прибыл уже известным в Европе врачом и т. д. (Загоскин Н. П., 1891).

Какой след они оставили в отечественной медицине XVII столетия? Свидетельств их «творчества» сохранилось немало.

А. Граман и И. Белау лечили в 1643 г. «рожу» у царя Михаила Федоровича и предлагали «отворить жильную руду, чтобы вывести жар из головы и дать крови продох, а если не дать ей продоху, тогда та тяжкая жаркая кровь будет садиться на каком-нибудь месте, где природа покажет, и от того бывают пухоты и язвы» (Загоскин Н. П., 1891. С. 61–62).

В 1645 г. В. Сибилист, И. Белау, А. Граман будут лечить Михаила Федоровича по поводу водянки. Их заключение: «Воду смотрели, а по воде знать, что желудок, и печень, и селезенка природные теплоты для слизи, которая в них копится, безильны и от того понемногу кровь водянеет и холод бывает, да от того же цынга и иныя мокроты рождаются» (Загоскин Н. П., 1891. С. 62). После такого лечения Михаил Федорович уже не поправился.

В 1676 г. консилиум докторов диагностировал у царя Федора Алексеевича который «скорбел ножками», — «болезнь не от внешнего случая и ни от какой порчи, но от его величества природы» (Загоскин Н. П., 1891. С. 63).

И. Белау: «Камень гожається от головной боли, а повесить тот камень против самой груди» (Лахтин М. Ю., 1906. С. 72).

ИСТОРИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ НЕВРОЛОГИИ. МОСКОВСКАЯ НЕВРОЛОГИЧЕСКАЯ ШКОЛА

ОЧЕРКИ

Подписано в печать 12.10.2015.
Формат $70 \times 100^{1/16}$. Печ. л. 32. Тираж 500 экз.
Заказ №

ООО «Издательство „СпецЛит”»
190103, Санкт-Петербург, 10-я Красноармейская ул., 15.
Тел./факс: 495-36-09, 495-36-12
<http://www.speclit.spb.ru>

Отпечатано в типографии «L-PRINT».
192007, Санкт-Петербург, Лиговский пр., 201, лит. А, пом. 3Н4

ISBN 978-5-299-00751-0

9 785299 007510